

Marčenko, Oleg Viktorovič

"Первый русский философ" и пути русского богословия

In: *Dialogy o slovanských literaturách : tradice a perspektivy*. Dohnal, Josef (editor); Zelenka, Miloš (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2012, pp. 127-134

ISBN 9788021058507

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132778>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

«ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ФИЛОСОФ» И ПУТИ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ

Олег Викторович Марченко (Москва)

Abstract:

A theme of „the first Russian philosopher“ Grigory Skovoroda, so vividly presented in the works of Vladimir Ern, his conception of Russian philosophy, as well as the problem of Kiev school become a subject of a specific elaboration in G. Florovsky’s „Ways of Russian theology“ (1937). As it follows from Florovsky’s analysis, Ern’s „first Russian philosopher“ and, in the words of the same author, „the original Russian philosophy“, seem to move in different directions.

Key words: debates on the specific character of Russian philosophy, Grigory Skovoroda, Vladimir Ern, Georgy Florovsky, Kiev school, neopatristic synthesis.

Вопрос, который будет здесь рассмотрен, относится к более масштабной теме напряженных дискуссий о специфике русской философии, развернувшихся в России и затем в русском зарубежье (Чехии, Германии, Франции) в первой половине XX века. Напомним о полемике В. Ф. Эрн с философами круга журнала «Логос», а также С. Л. Франком и Андреем Белым о «Логосе, русской философии и научности»;¹ речь идет, конечно же, и о «первом русском мыслителе Г. С. Сковороде».² Вспомним статью молодого А. Ф. Лосева «Die russische Philosophie» (1919), где воспроизводятся основные положения концепции Эрн,³ и принципиально иной взгляд на проблему в «Очерке развития русской философии» Г. Г. Шпета (1922) Нельзя забыть и о многочисленных попытках создать историю русской философии, предпринятых в 20–30-е гг. «логосовцем» Б. В. Яковенко,⁴

¹ См. об этом: МАРЧЕНКО О. В. Очерки по истории философии. – Москва, 2002. – С.189–230; МАРЧЕНКО О. В. Владимир Эрн и его концепция русской философии // В. Ф. Эрн: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. А. А. Ермичева. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 824–855, 966–972.

² Еще в 1829 г. Ю. Н. Бартнев, член Санкт-Петербургской масонской ложи «Умирающий Сфинкс», говорит в письме императору Николаю I о (написанном М. И. Ковалинским) жизнеописании «известного Сковороды, который был украшением века августейшей твоей бабки и венценосного родителя твоего, который в мудрой Екатерине видел Северную Минерву, и которую сей единственно-национальный философ Русский научал любить и благоговеть пред гениальностию мудрой монархини» (Русский архив. – 1897. – Т. 3. – Вып. 11. – С. 418). «Григорий Савич Сковорода (1722–1794) примечателен, как первый философ на Руси в точном смысле слова», – подводит определенные итоги В. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» (Т. 1. Париж, 1948).

³ См: ЛОСЕВ А. Ф. Русская философия // ЛОСЕВ А. Ф. Страсть к диалектике. – Москва, 1990. – С. 68–101.

⁴ См., напр.: ЯКОВЕНКО Б. Очерки русской философии. – Берлин, 1922; JAKOVENKO B. Dejiny ruske filosofie. – Praha, 1938.

Олег Викторович МАРЧЕНКО

а также об изменении понимания и отношения к истории русской мысли, «русскому мировоззрению», «вечному в русской философии» у С. Л. Франка и Б. П. Вышеславцева в эмиграции (статьи 20-х гг.).⁵ И, конечно же, важно учитывать принципиальную критику *русского образа* Г. С. Сковороды, осуществленную рядом украинских интеллектуалов, прежде всего Н. Ф. Сумцовым и Д. И. Чижевским (а также М. Сриблянским, Д. И. Дорошенко, Вяч. Заикиным, Евг. Маланюком и др.).⁶ Они справедливо и с достойным знанием историко-культурного материала напомнили, что наследник киевской традиции Сковорода уж, конечно, не «первый росток» русской мысли, а «последний роскошный цветок старой жизни, мировоззрения украинского народа, его старинной словесности, давней могилянской школы, кровный сын своего народа, его чуткое, красивое, любезное и многодумное дитя».⁷

Георгий Васильевич Флоровский, о котором главным образом и пойдет сейчас речь, имел возможность посмотреть на тему развития и специфики русской мысли с учетом этих ярких дискуссий. Он выработал весьма специфичный взгляд на весь этот процесс, и при всей проблематичности его точки зрения, которую мы здесь обсуждать не будем,⁸ киевская школа в его представлении о путях русского богословия и философии занимает весьма видное место, – как мощнейшее средство латинизации русской мысли. По нашему мнению, на формирование такого взгляда у Флоровского оказали очень сильное воздействие работы украинских авторов, и прежде всего – Сумцова и Чижевского. Именно в рецензиях на работы последнего формируется точка зрения, которая ляжет в основу соответствующих глав фундаментальной работы «Пути русского богословия» (Париж, 1937). Так, в 1928 г., в рецензии на работу Чижевского «Философия на Украине. Опыт историографии» (1926) Флоровский писал: «[...] «Киевский дух» был одним из слагающих и роковым фактором в русской духовной среде. Больше всего это чувствуется в истории русского богословия и философии. С этой точки зрения история старой Киевской Академии в XVII – XVIII веках получает принципиальную важность». В чем же заключается этот роковой фактор

⁵ См. об этом: МАРЧЕНКО О. В. К истокам замысла «Истории русской философии» В. В. Зеньковского // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Богословие. Философия. – Вып. I: 16. – Москва, 2006. – С. 105–113.

⁶ МАРЧЕНКО О. В. Творчество Григория Сковороды в размышлениях Дмитрия Чижевского: некоторые замечания // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. – I. Богословие. Философия. – 2009. – Вып. 3 (37). – С. 35–43; МАРЧЕНКО О. Творчество Григория Сковороды в размышлениях Дмитрия Чижевского: истоки и вехи // Kultura i oświata w europejskim międzywojniu (1918–1939). – Siedlce, 2010. – S. 129–137.

⁷ СУМЦОВ Н. Ф. Сковорода и Эрн // МАРЧЕНКО О. В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв. – Москва, 2007. Приложение. – С. 225.

⁸ См.: ЧЕРНЯЕВ А. В. Г. В. Флоровский как философ и историк русской мысли. – Москва, 2010.

«Первый русский философ» и пути русского богословия

и принципиальная важность «киевского духа»? «Здесь впервые происходит рецепция западной учености и философии, и вырабатывается своеобразный тип русского западника и «русского европейца». Не случайно именно в киевлянах или, как тогда с раздражением их называли на севере, в черкасах Петр Великий нашел идейных сторонников своего переворота, и новый порядок церковно-общественных отношений в первую половину XVIII-го века осуществлялся силами именно черкас. В области духовной культуры можно говорить о «Киевском псевдоморфозе». Всего чувствительнее он был в богословии. С киевских времен для большинства русских школьных богословов «образцы западной школы и позднее мудрование» стали ближе и роднее полузабытых отеческих преданий. Смысл этого Киевского псевдоморфоза до сих пор не раскрыт и не опознан вполне. Историческому синтезу мешает недостаточность изданного материала»⁹.

Именно в этом ключе, как нетрудно заметить, Флоровский с привлечением большого материала решает проблематику первых глав своей книги: «Встреча с Западом», «Противоречия XVII-го века», «Петербургский переворот»¹⁰. В первых двух рассматривается прежде всего польско-католическая экспансия на православные земли и следствия как самой экспансии, так и борьбы против нее. «XVI-ый век кончается почти повальным отступничеством иерархии, отпадением в Унию... Вся тяжесть православной самозащиты падает на церковный народ. И в соборном творчестве крепнет церковное самосознание...»¹¹. Речь идет о полемической литературе, о таких авторах, как Христофор Филалет, Иван Вишенский, Мелетий Смотрицкий, Захария Копыстенский, Герасим Смотрицкий, Елисей Плетенецкий, Памва Берында, Тарасий Земка, Лаврентий Зизаний, Исаия Копинский. А также Петр Могила, Кирилл Транквиллион Ставровецкий, Кассиан Сакочевич, Исаия Трофимович Козловский, Сильвестр Коссов, это уже «было новое поколение, прошедшее западную школу, для которого именно Запад, а не Восток был своим»¹². Следом идут Лазарь Баранович, Варлаам Ясинский, Иоанникий Галятовский, Антоний Радивилловский, Иннокентий Гизель, Адам Зерникав, Иоасаф Кроковский, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский... Полемика с католиками, показывает Флоровский, вела к заимствованию аргументов из протестантского арсенала, с протестантами – из

⁹ ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Рец. на: Дм. Чижевский. Фільософія на Україні. Спроба історіографії. – Прага, 1926, с. 200; 2 изд. – частини I; с. 142 //Путь. – №19. – Paris, 1929. – С. 118–119.

¹⁰ Разумеется, Флоровский опирается на весьма обширный свод научно-исследовательской литературы, достаточно назвать такие имена, как С. К. Смирнов, М. Ф. Каптерев, П. Морозов, А. С. Архангельский, П. В. Знаменский, С. Т. Голубев, Н. И. Петров, К. В. Харлампович, И. А. Шляпкин, Н. Ф. Сумцов, А. С. Лаппо-Данилевский, И. А. Чистович и др., не говоря уже об исследователях западных.

¹¹ ФЛОРОВСКИЙ Г., прот. Пути русского богословия. – Париж, 1937. – С. 31.

¹² Там же. – С. 45.

арсенала католического. «Не следует преувеличивать глубину этого «протестантского» влияния. Однако известный налет «протестантизма» навсегда остался на украинском народном складе, несмотря на сильнейшее воздействие латинизма впоследствии. Всего важнее и опаснее было то, что русские писатели привыкли обсуждать богословские и религиозные вопросы в их западной постановке. Опровергать латинизм ведь совсем еще не значит укреплять православие. Между тем в полемический оборот в это время вливаются доводы реформаторов, далеко не всегда совместимые с православными предпосылками...».¹³ Налетом протестантизма дело не ограничивалось, речь шла об острой романизации православия, пронизанности ее латинским духом, латинской псевдоморфозе Православия. «На опустевшем месте строится латинская и латинствующая школа, и латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и самая религиозная психология. Латинизируется самая душа народа. Эта внутренняя интоксикация религиозным латинизмом, этот «крипто-романизм» был вряд ли не опаснее самой Унии».¹⁴ И прежде всего этот процесс осуществлялся в рамках созданной школы, Киевской Коллегии, позже Академии. «...Весь план общего образования был снят с иезуитского образца, и учебники были приняты те же, начиная Альваром и кончая Аристотелем и Аквинатом. Весь распорядок школьной жизни, все приемы и средства преподавания были те же, что и в Коллегиях или Академиях иностранных. Язык преподавания был латинский, и всего хуже было поставлено преподавание греческого... Таким образом усваивались и перенимались не только отдельные схоластические мнения или взгляды, но и сама психология и душевный строй».¹⁵ Флоровский находит еще более сильные выражения для определения киевской учености, первой встречи с Западом, возникновению школы: встреча, которая окончилась *сдачей в плен*. При всем при том киевская ученость носила довольно широкий и причудливый характер. «Конечно, это была не «средневековая схоластика», но – возрожденная схоластика контрреформационной эпохи, сразу и «ложно-классицизм» – Тридентская схоластика, богословское Барокко... Кругозор Киевских профессоров и школяров в XVII веке не был узким... Однако, ведь Барокко в целом есть именно упадочная и нетворческая эпоха...».¹⁶ «От этого украинского Барокко идет в «малороссийском» религиозном воззрении эта характерная эмоциональная нетрезвость, мечтательная возбудимость, какая-то своеобразная религиозная романтика».¹⁷

¹³ Там же. – С. 37.

¹⁴ Там же. – С. 49.

¹⁵ Там же. – С. 51–52.

¹⁶ Там же. – С. 52.

¹⁷ Там же. – С. 56.

«Первый русский философ» и пути русского богословия

Тема «первого русского философа» Григория Сковороды решается несколько сложнее. Еще в 1912 г. молодой Флоровский выступает с рядом статей о произведениях группы «путейцев»,¹⁸ выделяя в качестве специфической идеи русской философии берущую начало у Хомякова, а затем разворачивающуюся в построениях Соловьева, С. Н. Трубецкого, современных русских мыслителей идею *цельного знания*. 17 декабря 1912 г. из Одессы Флоровский пишет П. А. Флоренскому: «В ближайшем будущем я намереваюсь прислать довольно большую критико-библиографическую статейку о Гр. С. Сковороде по поводу нового издания его сочинений (Бонч-Бруевичем) и монографии В. Ф. Эрна».¹⁹ Впрочем, кое-что Флоровский успел сказать на последних страницах одной из названных статей: «Уже во время печатания этой статьи появилась в свет книжка Вл. Эрн – Григорий Саввич Сковорода, жизнь и учение. М. «Путь» 1912. Исследованию автор предпосылает краткий очерк «основного характера русской философской мысли и метода ее изучения», а кончает его попыткой сближения взглядов Сковороды с последующими течениями русской мысли. Отлагая пока принципиальное обсуждение интересных построений В. Эрн, здесь нужно отметить, что стремление к целостности в русской философии появилось уже у Сковороды [...], таким образом неразрывно роднящегося с многообразными течениями XIX в. Вряд ли только следует искать объяснения этой специфической особенности русской мысли в ее особом провиденциальном назначении и т. п., что только подрывает доверие к мысли и прямо делает ее неверной, ибо аналогий к русским движениям можно много подвести и из западной философии. Можно думать, что сказанного довольно для первоначального развития и обоснования мысли о единстве и цельности русской философии. Конечно, отдельные мысли, может быть, были сказаны и раньше философами Запада, отдельные мыслители Запада создавали близкие в духе концепции; однако, именно на Руси впервые сложилось такое обширное движение, одухотворенное одною идеею, которое философствует, исходя от цельной жизни духа и для нее, впервые на Руси создавалась школа цельного знания с преемством поколений. И в этом залог будущего развития русской философии, будущие перспективы философско-

¹⁸ В частности, в работе «Из прошлого русской мысли» он обсуждает монографию Н. А. Бердяева о А. С. Хомякове и сборник статей М. О. Гершензона «Образы прошлого», статью Е. Н. Трубецкого «Жизненная задача Соловьева и всемирный кризис непонимания»; еще одна статья этого времени – «Новые книги о Владимире Соловьеве» (Известия Одесского библиографического общества при имп. Новороссийском университете. – Т. 1. – Вып. 7. – Одесса, 1912), где рассматривается известный путейский сборник статей о Соловьеве (1911), и др.

¹⁹ См.: ПОЛОВИНКИН С. М. «Инвектива скорее, чем критика»: Флоровский и Флоренский. *Приложение*. Письма Г. В. Флоровского к П. А. Флоренскому (1911–1914) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 год [6] / Под. ред. М. А. Колерова. – Москва, 2004. – С. 65.

Олег Викторович МАРЧЕНКО

го прогресса вообще. Конечно, ни перспективы эти, ни прошлое этих течений далеко еще не ясны и в общем даже, а разъяснения деталей, вероятно, придется еще долго ожидать; однако, основная мысль, которую мы хотели здесь лишь наметить, может считаться обоснованной прочно. *Русская философия есть философия цельного знания, философствование цельного духа.* [...] На Руси есть своя самобытная ценная философская школа, и история русской философии должна стать неотъемлемой частью и русской истории, и истории мировой мысли».²⁰

Намерение написать о книге Эрн отдельную работу осталось, насколько нам известно, невыполненным, однако интерес Флоровского к построениям Эрн, а также к фигуре Сковороды, его учению и месту в истории отечественной философской мысли, сохранился на многие годы. В упомянутой рецензии на книгу Чижевского Флоровский делает важное замечание, свидетельствующее о том, что именно его работы в дальнейшем приведут к формированию особого взгляда на Сковороду в рамках общей концепции истории русской мысли, изложенной в «Путях русского богословия». Образ Сковороды «постепенно вычерчивается, как образ платонизирующего преромантика, характерный для западного XVIII-го века».²¹

Однако это не все. Нельзя не заметить, что об Эрне Флоровский в «Путях» говорит так, как вообще мало о ком в своей достаточно придиричливой книге. Говоря о русских неокантианцах-«логосовцах» и их полемике с православными «путейцами», Флоровский пишет: «В действительности же за духовную свободу боролись не они. В неокантианстве или трансцендентализме очень чувствовался привкус скептицизма. Преувеличенное подчеркивание несоизмеримости человеческих познавательных схем с полнотой бытия необходимо оборачивается релятивизмом. Душа останавливается на пути, остается в промежуточной области колеблющихся переживаний, текучих образов, и символов. Здесь и вспыхивает снова со всей жгучестью соблазн психологизма. Преодолеть его можно только в конкретности религиозного опыта, личной встречи. И только в познании истины восстанавливается свобода человека... Именно в религиозной философии восстанавливается недрогнувшее чувство истины, твердость умного видения и созерцания, не только в неизреченности частного опыта, но и в четкости католического исповедания... Об этом в те годы всего больше писал В. Ф. Эрн [...], мыслитель с темпераментом бойца. [...] Он всегда именно *борется*, бьется, и не столько с Западом вообще, сколько с новейшим Западом и западничеством, с «меонизмом» современной и всей новой европейской мысли, оторванной от бытия, утерявшей чувство природы. И его задачей

²⁰ ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Из прошлого русской мысли. – Москва, 1998. – С. 25, 26, 27.

²¹ ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Рец. на: Дм. Чижевский. Фільософія на Україні. Спроба історіографії. – Прага, 1926, с. 200; 2 изд. – часть I; с. 142 //Путь. – №19. – Paris, 1929. – С. 119.

«Первый русский философ» и пути русского богословия

становится это освобождение из-под власти кажущегося и только переживаемого, возврат к бытию, прорыв вновь к вечной и подлинной действительности. Возможно это только в Церкви». ²²

В свое время на Флоровского большое впечатление произвел философский проект Эрн, который прозвучал в гетерогенном контексте дискуссий о специфике русской философии громко и определенно. Эрн, напомним, полагал, что дело оригинальной русской мысли заключается в раскрытии в утонченных терминах современного мышления того глубочайшего умозрения, «которое начала великая Эллада, которое продолжил христианский Восток и которое было почти совершенно устранено с *магистральной* философской мысли новой Европы». ²³ Эрн предполагает – и это очень важная идея – не просто возвращение к философии отцов церкви. Перефразируя эрновскую же характеристику взглядов Антонио Розмини, скажем, что Эрн хотел «творческого возрождения *метода и духа* святоотеческого философствования». «Восстановление порванной нити и возвращение к корням святоотеческого синтеза должно быть делом абсолютной *свободы*». Причем не следует, подчеркивал Эрн, уподобляться Декарту и отрывать от культурной традиции новой философии. «Возвращение к святоотеческому синтезу может быть реализовано через творческий синтез внехристианской новой философии с содержанием христианского учения». ²⁴ Не «назад к логизму», постоянно подчеркивает Эрн, но «вперед к логизму!» Выраженная в этих принципиальных установках Эрн идея *неопатристического синтеза*, о котором позднее и будет писать, причем в очень похожих выражениях, внимательный читатель эрновских работ Флоровский, требует, чтобы «современная христианская мысль сделала с новой философией то самое, что с философией языческой сделала мысль святоотеческая». ²⁵

«Кризис русского византизма в XVI-м веке был с тем вместе и *выпадением русской мысли из патристической традиции...*, – подводил итоги и намечал перспективы Флоровский. – [...] *Восстановление патристического стиля*, вот первый и основной постулат русского богословского возрождения. Речь идет не о какой-нибудь «реставрации», и не о простом повторении, и не о возвращении назад. «К отцам», во всяком случае, всегда вперед, не назад. Речь идет о верности *отеческому духу, а не только букве*, о том, чтобы загораться вдохновением от отеческого пламени, а не о том, чтобы гербаризировать древние тексты. *Unde ardet, inde lucet!* Вполне следо-

²² ФЛОРОВСКИЙ Г., прот. Пути русского богословия. – С. 489.

²³ ЭРН В. Ф. Сочинения. – Москва, 1991. – С. 289–290.

²⁴ ЭРН В. Ф. Розмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия. – Москва, 1914. – С. 39, 40.

²⁵ Там же.

Олег Викторович МАРЧЕНКО

вать отцам можно только в творчестве, не в подражании...».²⁶ Источники этих формулировок Флоровского, на наш взгляд, очевидны.

Но вот выдвигаемая Эрном в рамках его проекта фигура «первого русского философа» Г. С. Сковороды чрезвычайно Флоровского смущала, нельзя не заметить на посвященных ему страницах «Путей» некоторой неясности, неопределенности в моделировании его образа. Флоровский в этом вопросе оказался между чрезвычайно важным для него Эрном – и теми соображениями о Сковороде и киевской школе, Сковороде и немецкой мистике, которые были высказаны украинскими авторами, прежде всего Чижевским, не считаясь с мнением которых он не мог.²⁷ Флоровский отмечает близость Сковороды масонскому типу религиозно-мистического настроения, оригинальность его претворения. Далее – созвучность немецкой мистике (столь популярной в российской среде в ту пору), влияние латинских поэтов и латинства вообще, в чем явно заметно действие школы, переплетение «патристических воспоминаний» с «мотивами платонического Ренессанса»... Флоровский как бы перебирает различные черты, не решаясь выбрать доминанту. Разве что вот эта, многократно при характеристике Сковороды применяемая, которую Флоровский весьма знаменательно акцентирует: «В образе Сковороды особенно характерно его странничество, его безытность («сердце гражданина всемирного»), почти что призрачность. [...] Странничество Сковороды в известном смысле было именно его уходом из Церкви, из церковной истории («потенциал сектанта» у Сковороды признавал даже Эрн), – и возвращением к «натуре», своего рода пиетический руссоизм».²⁸

Эрновский «первый русский оригинальный философ» и эрновская же «оригинальная русская философия», идущая довольно-таки извилистыми и причудливыми путями к онтологизму и грядущему «неопатристическому синтезу», движутся, как получается у Флоровского, *в разных направлениях*.

²⁶ ФЛОРОВСКИЙ Г., прот. Пути русского богословия. – С. 506.

²⁷ Следует обратить внимание на литературу о Сковороде, которую приводит Флоровский в своей книге на с. 536: кроме Ф. Зеленогорского, Амфиана Лебедева, Д. Багалея (харьковчанин), и, разумеется, Эрна, все остальные – украинцы с более или менее отчетливо выраженным национальным самосознанием: Сумцов (критика Эрна), авторы одесского сборника «Памяти Сковороды», В. Петров (критика Шпета), В. Иваницкий, и пять статей Чижевского.

²⁸ Там же. – С. 119, 120, 121.